

Куракин Ф.А.

Восемнадцатый век

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К93

К93 **Куракин Ф.А.**
Восемнадцатый век: Том 1 / Куракин Ф.А. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 546 с.

ISBN 978-5-4241-1008-5

Исторический сборник издаваемый по бумагам фамильного архива почетных членов Археологического Института князем Ф. А. Куракиным

ISBN 978-5-4241-1008-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

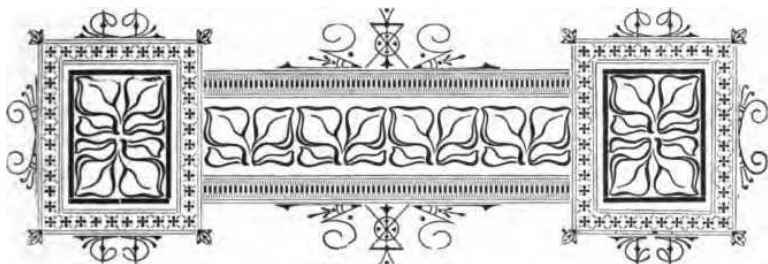
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Я какъ, Государь, родители наши
пріѣхали къ великому князю Василю
Дмитріевичу, и съ тѣхъ мѣстъ и по сѣ
мѣста работаемъ и служимъ вамъ, го-
сударемъ, и въ измѣнѣ нигдѣ не бывали.*

*Изъ истиническаго дѣла князей
Куракиныхъ съ князьями Трубецкими*

Происхождение князей Куракиныхъ, игравшихъ въ теченіе почти 500 лѣтъ значительную роль въ нашей исторіи, восходитъ черезъ Гедимина до нѣдръ семьи Владиміра Святого, а именно, до его старшаго сына (отъ полоцкой княжны Рогнѣды) Изяслава, и въ первой части Россійскаго Гербовника, на страницѣ 3, мы читаемъ слѣдующее: «Въ родословной князей полоцкихъ и литовскихъ, находящейся въ Бархатной и другихъ родословныхъ книгахъ, показано, что сей Гедеманъ, или Едиманъ, произшелъ отъ руссійскаго великаго князя Владиміра Святославича, который „крести русскую землю и посади сына своего Изъяслава на Полоцкѣ“, отъ коего пошли князья полоцкіе и литовскіе. Внукъ великаго князя литовскаго Гедемана, Патрикій, князь звенигородскій, прибывъ въ Москву въ 1408 году, вступилъ въ службу великаго князя Василя Дмитріевича. Сынъ его, князь Юрій Патрикіевичъ, женатъ былъ на дочери великаго князя Василя Дмитріевича и имѣлъ двухъ сыновъ. Внукъ его, князь Иванъ Васильевичъ, прозваніемъ Булгакъ, имѣлъ четырехъ сыновей. Изъ нихъ третій сынъ, князь Андрей Ивановичъ Курака, былъ бояринъ и воевода при царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Васильѣ Ивановичѣ. Потомки его, князья Куракины, служили руссійскому престолу разныя службы въ боярахъ и самыхъ знатнѣйшихъ чинахъ и жало-

ваны были помѣстьями и вотчинами. Історія Россійской Имперіи показываетъ, что многіе изъ князей Куракиныхъ, какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, стяжали имени своему славу подвигами и трудами, подъятыми на пользу отечества, какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ, и награждаемы были орденами и другими знаками почестей и Монаршихъ милостей“.

Надо замѣтить, что князя литовскіе уже не впервые появлялись на Москвѣ, которая съ почетомъ принимала еще дѣда князя Патрикія Александровича,—Наримунда, второго сына Гедимины. Онъ былъ изгнанъ своими братьями съ великаго княженія и получилъ отъ нихъ во владѣніе одинъ только городъ Пинскъ, что въ нынѣшней Минской губерніи, а затѣмъ былъ лишенъ и этого удѣла татарами и уведенъ ими въ плѣнъ. Выкупленный Иваномъ Калитою, онъ принялъ въ Москвѣ православіе съ именемъ Глѣба и около 1330 года былъ избранъ княземъ въ Новгородѣ, гдѣ со славою княжилъ 17 лѣтъ, оставивъ своимъ потомкамъ, въ воспоминаніе объ этомъ, въ лѣвой верхней части своего герба, въ серебряномъ полѣ, новгородскій гербъ,—„малиноваго цвѣта тронный стулъ, на коемъ означены крестообразно державный жезлъ и длинный крестъ, надъ стуломъ тройный подсвѣчникъ съ горящими свѣчами, по сторонамъ стула два черные медвѣдя, стоящіе на заднихъ лапахъ“. Самъ князь Патрикій Александровичъ, изгнанный междоусобицами изъ стольнаго града своего Звенигорода, искалъ въ 1397 г. убѣжища въ томъ же Новгородѣ; но его княженіе продолжалось тамъ лишь 11 лѣтъ, и въ 1408 г. мы видимъ его съ двумя сыновьями уже при дворѣ великаго князя Василія II, сына Дмитрія Донского. Одной изъ причинъ его пріѣзда было, вѣроятно, сближеніе Москвы съ Литвою, вслѣдствіе брака Великаго Князя съ Софіей Витовтовной, которая приходилась Князю родственницей, имѣя такъ же, какъ и онъ, прадѣдомъ Гедимины. Благодаря этому родству, князь Патрикій Александровичъ „заѣхалъ“, какъ выражается лѣтописецъ, многихъ московскихъ бояръ, т. е. въ служебной іерархіи занялъ мѣсто выше ихъ, несмотря на ихъ стародавнюю службу, а сынъ его Юрій, какъ сказано выше, даже женился на дочери самого великаго князя московскаго Аннѣ Васильевнѣ, родной теткѣ Іоанна III. Но и по другимъ причинамъ пріѣздъ князя Патрикія литовскаго отмѣченъ современниками, какъ событіе знаменательное: и до московской глуши доходили тогда слухи о рыцарствѣ, о

военной доблести его и искусствѣ; выходцами съ Запада дорожили, стараясь при помощи ихъ знаній ослабить сосѣднія враждебныя страны. Съ другой стороны, литовская знать была представительною для Руси тогдашняго европейзма; литовскіе выходцы являлись людьми высшей культуры и болѣе утонченныхъ нравовъ, и это обезпечивало имъ уваженіе на Руси. Наконецъ, приѣзжій князь обыкновенно приводилъ съ собою болѣе или менѣе многочисленную дружину и приносилъ значительныя богатства, удѣляя изъ нихъ щедрые дары великому князю и боярамъ. Никто тогда не задавался мыслью, сохранялъ ли добровольный пришлецъ право отъѣзда; при отсутствіи какого бы то ни было договорнаго элемента, ему просто отводили сей-часъ же мѣсто среди московскихъ бояръ, соотвѣтственно его происхожденію и значенію на родинѣ, и онъ дѣлался слугою правительства, т. е. подданнымъ. Въ данномъ случаѣ князя литовскіе, правнуки легендарнаго героя, отвоевавшего у русскихъ великое княжество Кіевское, Волынь, Подоль и весь югъ Россіи, племянники не менѣе грознаго Ягайлы, родоначальника польскаго королевскаго дома, породнившагося впоследствии съ королями испанскими и французскими, а также и съ римскими императорами, были съ самаго начала поставлены на Руси въ особо благопріятныя условія: они достигали весьма часто боярства, а послѣ отмѣны этого званія, т. е. съ Петра I, особенно выдѣлялись въ качествѣ наслѣдственно искусныхъ дипломатовъ; кромѣ того, находились въ родствѣ съ именитѣйшими русскими фамиліями и вступали неоднократно въ родство съ царствующею династіею какъ Рюриковичей, такъ и Романовыхъ.

Многообразныя служебныя отношенія и обширныя родственныя связи побуждали ихъ вести значительную переписку, которая и сохраняется нынѣ у князя Ѳеодора Алексѣевича Куракина въ количествѣ 1400 фоліантовъ, заключающихъ въ себѣ 379.400 страницъ текста, или болѣе 150 тыс. разнаго рода документовъ. Свои бумаги князя Куракины не только тщательно берегали для будущихъ поколѣній, но и облекали обыкновенно въ сафьянный, рѣже бумажный переплетъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна дѣятельность князя Александра Борисовича II, прозваннаго современниками „Великолѣпнымъ“. Чтобы не подвергать своей переписки нескромному любопытству переплетчика, онъ предварительно перекрешивалъ пачки бумагъ прочными нитками, концы которыхъ припечатывалъ своей гербовой пе-

частью: это не мѣшало переплету, но прочтеніе дѣлало невозможнымъ. Не всѣ однако куракинскія бумаги переплетались: нѣсколько десятковъ тысячъ таковыхъ, по преимуществу касающихся хозяйственныхъ дѣлъ, хранятся пока безъ переплетовъ.

До нашего времени дошли, главнымъ образомъ, бумаги нижеслѣдующихъ представителей рода князей Куракиныхъ: 1) князя Григорія Семеновича, боярина, въ отбытность царя Алексѣя Михайловича (1654 г.) правителя государства, перваго воеводы въ Казани († 1661 г.); 2) князя Ивана Григорьевича, боярина и намѣстника смоленскаго († 1682 г.); 3) князя Бориса Ивановича, полномочнаго посла въ Англіи, Ганноверѣ, Голландіи и Франціи († 1727 г.); 4) князя Александра Борисовича I, полномочнаго посла въ Парижѣ, оберъ-штаб-мейстера, сенатора и конференцъ-министра († 1749 г.); 5) князя Бориса Александровича, генераль-поручика, гофмейстера, сенатора, камеръ- и экономіи-коллегій президента († 1764 г.); 6) князя Александра Борисовича II, полномочнаго посла въ Вѣнѣ и Парижѣ, государственнаго вице-канцлера († 1818 г.); 7) князя Алексѣя Борисовича, генераль-прокурора, малороссійскаго генераль-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ († 1829 г.); 8) князя Бориса Алексѣевича, сенатора († 1850 г.).

Большая часть этихъ бумагъ принадлежитъ къ XVIII вѣку, и почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося дѣятеля этой славной эпохи, который не оставилъ бы по себѣ слѣда въ Архивѣ князя О. А. Куракина, при чемъ, что очень важно, сохранились большею частью и черновики тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались князья Куракины со множествомъ лицъ обоюбого пола. Кромѣ переписки официальной и частной, разнаго рода мемуаровъ, рукописныхъ сочиненій и дневниковъ, этотъ Архивъ заключаетъ въ себѣ матеріалы по исторіи Мальтійскаго ордена въ Россіи, масонства и декабристовъ; но преобладаетъ въ немъ частная переписка, что дѣлаетъ его, можно сказать, необходимымъ для всѣхъ изслѣдователей русской жизни XVIII и первой половины XIX вѣковъ: „Архивы казенныхъ учреждений, справедливо замѣчаетъ П. И. Бартеневъ, показываютъ намъ наружную сторону, тогда какъ частные архивы знакомятъ съ душою, съ внутреннимъ я русскаго общества, знакомятъ съ мелкими проявленіями его будничной жизни“. Будучи, несомнѣнно, самымъ обширнымъ собраніемъ семейныхъ бумагъ въ Россіи, Архивъ князя Оедора Алексѣевича отличается еще

той интересной особенностью, что онъ сохранилъ до нашихъ дней письма и такихъ лицъ, отъ которыхъ у потомства не осталось ни одной строчки, и представляетъ въ этомъ отношеніи для всѣхъ лицъ, занимающихся своею фамиліею исторіею или родословіемъ, немаловажный источникъ для справокъ. Вторая особенность Куракинскаго архива заключается въ томъ, что онъ объединилъ въ себѣ результаты умственной дѣятельности цѣлаго рода, такъ какъ послѣдній, за 500 лѣтъ своего пребыванія на Руси, развивался лишь въ одной могучей вѣтви, здравствующей и въ наши дни, а всѣ его прочіе побѣги обыкновенно хирѣли, не достигнувъ и трехъ поколѣній. Дѣйствительно, начиная отъ князя Андрея Ивановича Кураки, представителя XVIII поколѣнія отъ Владиміра Святого, и до нашихъ дней, лишь въ одномъ колѣнѣ явилось четыре продолжателя рода, въ одномъ — трое, въ пяти колѣнахъ было по два и въ шести — по одному. Такая малочисленность князей Куракиныхъ выгодно отличала ихъ отъ другихъ единородцевъ, напримѣръ, отъ крайне многочисленныхъ князей Голицыныхъ, и являлась причиною того, что въ ихъ семьѣ сохранились не только земельныя, но и документальныя богатства.

Наиболѣе драгоценнымъ отдѣломъ Архива является, безспорно, отдѣлъ бумагъ эпохи Петра Великаго, насчитывающій до сотни переплетенныхъ рукописныхъ фоліантовъ. Они относятся къ государственной дѣятельности и къ частной жизни князя Б. И. Куракина и подраздѣляются на слѣдующія группы: 1) письма и указы императора Петра Великаго; 2) дневники и протоколы посольствъ при европейскихъ дворахъ, съ 1710 по 1727 годъ, нѣчто въ родѣ древнихъ статейныхъ списковъ; въ нихъ князь Борисъ Ивановичъ съ удивительною подробностью знакомитъ потомство не только со своими дѣяніями въ качествѣ дипломата, но и описываетъ высокихъ персонъ и государственныхъ дѣятелей, съ которыми входилъ въ служебныя отношенія и въ приватное знакомство; 3) обширная корреспонденція съ разными министрами и всякими знатными особами, въ особенности, съ представителями Россіи при различныхъ дворахъ; здѣсь мы находимъ большое собраніе писемъ канцлера графа Г. И. Головкина, вице-канцлера барона Шафирова, кабинетъ-секретаря Макарова, Брюса, Бестужева-Рюмина и другихъ; тутъ же брѣвныя, или отпуски писемъ самого князя Бориса Ивановича, на которыя онъ былъ весьма плодовитъ; 4) черновые наброски различныхъ политико-дипломатическихъ записокъ,

каковыя онъ посылалъ въ министерство для доклада Императору, и собственноручныя сочиненія, преимущественно, историческаго содержанія.

Высокообразованный князь Борисъ Ивановичъ, своякъ Петра Великаго, долженъ, по справедливости, считаться основателемъ Куракинскаго архива. Находясь на чужбинѣ, онъ очень заботился о сохраненіи въ своемъ московскомъ домѣ „шкатулей“ со столбцами предковъ. Изъ числа ихъ дошли до насъ, между прочимъ, столбцы, принадлежавшіе его дѣду, боярину князю Алексѣю Никитичу Одоевскому. Мы знаемъ также, что у него были рукописные родословцы *). Послѣ смерти Князя въ 1727 г. въ Парижѣ, всѣ его частныя бумаги и письма, равно какъ дѣла посольской канцеляріи, были немедленно запечатаны его сыномъ княземъ Александромъ Борисовичемъ **) и затѣмъ перевезены въ Россію.

Но особенно посчастливилось, въ смыслѣ пополненія фамильнаго архива, его правнуку, князю Александру Борисовичу II. Переживъ многихъ своихъ родственниковъ и друзей, онъ, послѣ ихъ смерти, обыкновенно возвращалъ отъ наслѣдниковъ свои письма. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, напримѣръ, присутствіе среди бумагъ подлинныхъ его писемъ къ графамъ Никитѣ Ивановичу и Петру Ивановичу Панинымъ, князю Н. В. Репнину, брату князю Степану Борисовичу и къ другимъ лицамъ. Кромѣ того, ему пришлось три раза въ жизни разбирать бумаги послѣ кончины Высочайшихъ Особъ, а именно, первой супруги цесаревича Павла Петровича Наталіи Алексѣевны, Екатерины Великой и самого Павла Петровича. По смерти Великой Княгини въ 1776 г., были найдены, въ числѣ другихъ, письма графа Андрея Разумовскаго ***), послужившія къ тому, что Цесаревичъ быстро утѣшился въ своей потерѣ и черезъ пять мѣсяцевъ уже женился на принцессѣ Виртембергской.

Что касается кончины Екатерины Великой, то князь Ф. Н. Голицынъ рассказываетъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 г., на стр. 642—643, что императоръ Павелъ Петровичъ поручилъ князю Александру Борисовичу Куракину, вмѣстѣ съ цесаревичемъ

*) Н. П. Лихачевъ. Разрядные дѣяніи XVI вѣка, стр. 31.

**) Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, томъ 69, стр. 72.

***) Corberon. Un diplomate français à la Cour de Catherine II. Paris, 1901, т. I, р. 240—241, и Русская Старина 1902 г., т. 110, стр. 79.

Александромъ Павловичемъ и, кажется, гр. Растопчинымъ, распечатать кабинетъ матери и разобрать ея бумаги. Они нашли тамъ, между прочимъ, перевязанное черною ленточкою дѣло о кончинѣ Петра III и завѣщаніе Екатерины, въ которомъ она назначала своимъ наслѣдникомъ великаго князя Александра Павловича, устраняя сына. Александръ Павловичъ обратился съ нѣмымъ вопросомъ къ князю Куракину, и тотъ, также молча, указаль ему на топившуюся печь. На другой день Павелъ Петровичъ съ безпокойствомъ спрашиваль ихъ, не нашли ли они среди бумагъ Императрицы чего-нибудь о немъ самомъ, и на отрицательный отвѣтъ перекрестился со словами: „Ну, слава Богу“. Несомнѣнно, что въ этотъ же разъ князь Александръ Борисовичъ нашель знаменитыя записки Екатерины, изданныя впослѣдствіи Герценомъ въ Лондонѣ и сдѣлавшіяся основою для всѣхъ ея біографій. Мы слыхали даже, что князь Александръ Борисовичъ скрыль сначала ихъ отъ своего царственного друга, предвидя гибельныя послѣдствія, которыя могло бы имѣть на него знакомство съ ихъ содержаніемъ, но Марія Феодоровна проговорила, и неожиданность открытія, въ нихъ заключавшагося, повліяла роковымъ образомъ на мозгъ Императора. Мы догадываемся также, какимъ путемъ они попали къ Герцену: ему передалъ ихъ эмигрантъ Тургеневъ, который ихъ вывезъ изъ Россіи: „Записки Екатерины—писаль въ 1822 г. Дмитріеву Карамзинъ—у нашего любезнаго Тургенева; онъ хранить ихъ, какъ зеницу ока, и таить списокъ съ экземпляра куракинскаго*)“.

Къ этому же разбору бумагъ Екатерины относится засвидѣтельствованный Лубяновскимъ разсказъ князя Александра Борисовича, что въ бюро Императрицы имъ были найдены тогда двѣ тетрадки почтовой бумаги, перевязанныя накрестъ голубыми ленточками, за императорской печатью и съ надписью: „A mon fils Paul après ma mort“. Князь поднесъ эти тетрадки Императору, и когда тотъ, крайне удивленный, сорвалъ печати и съ нетерпѣніемъ сталъ пересматривать листы одинъ за другимъ, то на одномъ изъ нихъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ и со слезами воскликнулъ: „Боже мой, какъ я несчастливъ: узнаю это только теперь“, а затѣмъ оставилъ эти бумаги у себя (Русскій Архивъ, 1872, стр. 453).

Послѣ смерти Павла Петровича князь Александръ Борисовичъ разбираль весь его кабинетъ, до завѣтной шкатулки

*) Письма Карамзина, изданныя Императорскою Академіею наукъ въ 1866 г., стр. 329.—Опытъ русской исторіографіи Иконникова, стр. 1132.

включительно, и, съ согласія, конечно, императора Александра Павловича, отобралъ для себя все, что нашелъ интереснымъ*), между прочимъ, свои письма къ покойному императору еще до вступленія послѣдняго на престолъ. Изъ нихъ, именно, мы напечатали 17 писемъ въ V—VII тт. „Архива князя Ѳ. А. Куракина“. На одномъ изъ возвращенныхъ писемъ,—изъ Надеждина, отъ 7 августа 1791, князь Александръ Борисовичъ сдѣлалъ приписку: „Cette lettre a été conservée par feu l'Empereur, et je l'ai trouvée dans Sa cassette, après son décès, quand j'ai été chargé de l'examen de Ses papiers“**). „Въ сердечной приверженности своей, говоритъ П. И. Бартеневъ, къ покойному государю, съ коимъ онъ былъ связанъ по раннему товариществу, позднѣе дружеству и, наконецъ, по масонству, князь Куракинъ не только сдѣлалъ описи этимъ бумагамъ, но и списывалъ для себя нѣкоторыя изъ нихъ“.

Въ этомъ же родѣ поступалъ князь Александръ Борисовичъ и послѣ смерти родныхъ. Когда скончалась его тетка, княжна Агриппина Александровна Куракина, то онъ писалъ своему брату, князю Алексѣю Борисовичу, 10 іюля 1792 г., изъ Павловскаго на Юловъ (т. 127 Архива, стр. 107): „Я надѣюсь, что вы не захотите лишить меня того истиннаго по чувствамъ моимъ удовольствія, чтобы на вѣкъ мой остался я хранителемъ образовъ, четокъ и молитвенныхъ книгъ покойной бабушки, и всякихъ старыхъ бумагъ и переписокъ нашихъ предковъ“. Мало того, и у постороннихъ лицъ князь Александръ Борисовичъ разыскивалъ для своего собранія рукописи, чѣмъ-либо его заинтересовавшія. Такъ, знаменитыя записки Семена Андреевича Порошина о дѣтствѣ цесаревича Павла Петровича были найдены именно имъ, много лѣтъ спустя послѣ смерти Порошина, у его брата Ивана Андреевича, тщательно имъ переписаны и сохранены для потомства. Съ этого-то списка редація Русскаго Вѣстника печатала въ 1866 г. этотъ важнѣйшій, можно сказать,—единственный матеріалъ для исторіи отроческихъ лѣтъ Павла Петровича, получивъ его отъ воспитанника князя Александра Борисовича, барона Михаила Николаевича Сердобина. По поводу этихъ записокъ въ Архивѣ князя Ѳ. А. Куракина сохранилось письмо И. А. Порошина, отъ 12 января 1791 г., изъ усадьбы Вырыпаевки (т. 468 Архива, стр. 15): „На сихъ дняхъ увѣдомленъ я отъ зятя моего Ивана Ивановича Нечаева, что

*) Русскій Архивъ 1868 г., стр. 22.

**) Томъ 998 Архива, стр. 20.

угодно вашему сіятельству для прочтенія имѣть отъ меня веденныя дневныя записки и писанныя рукою покойнымъ братомъ моимъ Семеномъ Андреевичемъ во время бытности его при Его Императорскомъ Высочествѣ Государѣ Цесаревичѣ, которыя, въ угодность вашего сіятельства, состоящія въ трехъ книгахъ, при семъ и препровождаю съ просьбою при томъ таковою, чтобъ, по прочтеніи оныхъ вашимъ сіятельствомъ, нынѣшнюю же зимою приказано было возвратить оныя, запечатавъ, ко мнѣ обратно. Другимъ же покорнѣйше прошу не жаловать оныя для прочтенія, потому что во оныхъ есть нѣкоторые періоды такового содержанія, которые не должны быть всякому извѣстны“.

Замѣчательно также то обстоятельство, что у князя Александра Борисовича оказались бумаги, отобранныя при Екатеринѣ у Новикова *), а также собственноручная выписка его изъ дневника великой княгини Маріи Ѳеодоровны, отъ 19 и 26 мая 1781 г.,—единственныя страницы**), уцѣлѣвшія для потомства, ибо самый дневникъ былъ уничтоженъ императоромъ Николаемъ, согласно съ завѣщаніемъ Матери.

Дрожа постоянно за цѣлость собранныхъ бумагъ, князь Александръ Борисовичъ построилъ для нихъ въ своей главной вотчинѣ, въ с. Надеждинѣ Сердобскаго у. Саратовской губ., среди чуднаго парка, вдали отъ другихъ построекъ, особое красивое зданіе ***), назвавъ его „Храмъ истины“. Но въ это время часть бумагъ находилась и въ Петербургѣ, какъ мы видимъ изъ слѣдующаго его приказа петербургскому управляющему Карташову, отъ 9 мая 1790 г. (т. 985 Архива, стр. 120): „При семъ отдаю тебѣ на сбереженіе въ моеи кладовой съ тѣмъ, чтобъ оныхъ никуда не отпускалъ и никому не отдавалъ безъ моего словеснаго или письменнаго, за моимъ собственноручнымъ подписаніемъ, повелѣнія, 5 сундуковъ съ моими старыми бумагами, времени моего пребыванія въ 1770 г. въ Лейденскомъ университетѣ, рогожами обшитые и съ приложенною печатью моею“. Когда въ 1793 г., князь Алексѣй Борисовичъ, по порученію брата, отдѣлывалъ его петербургскій домъ, то не забылъ отвести для Архива особую комнату и по этому поводу писалъ ему: „Выгода отъ сей передѣлки весьма великая для васъ бу-

*) Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, стр. 1134.

**) Шильдеръ. Императоръ Павелъ I, стр. 146.

***) Живописная Россія 1901 г., № 46.

летъ, и хранилище вашихъ бумагъ, особливо потаенная дверь, вамъ, конечно, полюбуется“ *).

Вообще князь Александръ Борисовичъ являлся истиннымъ организаторомъ фамилнаго Архива, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго приказа его, отъ 24 января 1816 г., изъ Петербурга, управляющему Надеждинской вотчинной конторой Харченкѣ (т. 913 Архива, стр. 34): „Симъ предписываю конторѣ немедленно заняться разобраніемъ по числамъ и мѣсяцамъ, и годамъ всѣхъ приказовъ моихъ, предписаній моей домової канцеляріи, сообщеній прочихъ конторъ моихъ, и вообще, всѣ бумаги, которыя собраны погодно, отдать въ переплеть и хранить въ Архивѣ; равнымъ образомъ, всѣ отпуски въ конторахъ, донесенія и вѣдомости должны также разобраны быть, переплетены и отданы потомъ для храненія въ Архивѣ. По истеченіи каждаго года, контора не оставитъ сама собою уже, вслѣдствіе сего приказанія моего, съ точностью порядокъ сей наблюдать. О полученіи же сего мнѣ донестъ“. Когда исполненіе этого распоряженія почему-то замедлилось, то князь Александръ Борисовичъ писать 19 мая 1816 г., изъ Павловскаго, тому же Харченкѣ (т. 913 Архива, стр. 248): „Александровская контора доноситъ мнѣ, что хранящіеся въ Архивѣ прошлыхъ лѣтъ бумаги всѣ по годамъ разобраны и переплетены, но какъ, напротивъ, ты и по сіе время сего еще не исполнилъ, и конторскія бумаги не приведены въ должный порядокъ, симъ настоятельно подтверждаю, чтобъ всѣ бумаги по годамъ были разобраны и, какъ слѣдуетъ, переплетены, и ты мнѣ донесъ объ исполненіи“.

Но кромѣ Архива собственно князя Александра Борисовича, состоявшаго изъ его частной переписки и бумагъ, дѣловыхъ и хозяйственныхъ, въ родѣ князей Куракиныхъ съ давнихъ поръ, чуть ли не съ появленія перваго литовскаго князя на Москвѣ, существовало общее семейное древлехранилище. Оно помѣщалось въ XVI вѣкѣ въ ихъ кремлевскихъ хоромахъ, у Боровицкихъ воротъ, на мѣстѣ нынѣшняго дворца, въ XVII вѣкѣ—въ новомъ ихъ домѣ на Лубянкѣ, рядомъ съ церковью Гребенской Божіей Матери, а съ 1730 г.—при „шпиталѣ“, т.-е. Страннопримномъ домѣ князей Куракиныхъ у Красныхъ воротъ. Въ этомъ-то Архивѣ хранились всѣ фамилные столбцы, письма, жалованныя грамоты и духовныя завѣщанія князей Куракиныхъ,

*) См. стр. 173 настоящей книги.